

ЭСФорум

№ 1 (17) февраль, 2010 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2 **УЗНАЕМ**6 **УЧИМСЯ**11 **ШУТИМ**15

 Интервью
 с Ольгой Бессоновой.
 Каждый может совершить
 открытие

 Социально-экономические
 проблемы
 капиталистических стран
 в зеркале «Крокодила»

 Роль эмоций на рынке
 художественной
 продукции: новая
 исследовательская
 перспектива

 Тигровая
 головоломка

Уважаемые читатели!

Спешим поздравить вас с наступившим Новым годом! В этом, 2010-м году, словно тигр на арену, выходит и наш февральский номер «ЭСФорума». Мягкой поступью мы продвигаемся к открытиям нового года.

В рубрике «Знакомимся» мы публикуем интервью с профессором Ольгой Бессоновой, в котором она рассказывает, что в рамках своей кандидатской диссертации, посвященной проблемам жилищной системы России, она выделила отношения «раздатка», что стало первым шагом на пути открытия ею собственной институциональной теории хозяйственного развития России.

В рубрике «Узнаем» мы представляем первую часть трилогии доцента Дениса Стребкова «Социально-экономические проблемы капиталистических стран в зеркале "Крокодила"». Автор вновь открывает нам смыслы, спрятанные на страницах этого юмористического журнала. На этот раз с присущей ему социологической скурпулезностью он анализирует, как

в советское время изображалась зарубежная жизнь. А она для многих тогда, как для Остапа Бендера, олицетворялась с Рио-де-Жанейро, о котором он говорил: «это моя мечта, и не смейте касаться ее своими грязными лапами!»

В рубрике «Учимся» мы помещаем эссе аспиранта Наиля Фархатдинова «Роль эмоций на рынке художественной продукции: новая исследовательская программа». В нем он рассказывает, как социологи шаг за шагом открывали для себя рынок изобразительного искусства. Последним веянием в этой сфере является фокусирование на эмоциональном измерении арт-рынков.

В рубрике «Шутим» уже вам самим предстоит сделать открытие: вам придется поломать голову над тем, какие тигрята и кому из преподавателей нашей кафедры экономической социологии достались в качестве новогодних подарков. А главное – почему?

Интересного чтения!
Создатели ЭСФорума.

Каждый может совершить открытие

Интервью с Ольгой Бессоновой

Ольга Бессонова

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (ИЭОПП СО РАН).

– **Ольга Эрнестовна, Вы начинали свою научную карьеру с изучения проблем жилищного фонда и феномена бесплатного жилья в СССР. Как из такого локального интереса Вам удалось вырастить свою макротерию – системную теорию «раздатка»?**

– Так сложилось, что изначально я пыталась найти тот объект, который был бы мне понятен из личного опыта. Когда-то, еще учась на экономиста-математика, для своей дипломной работы я выбрала тему квартирной платы, потому что она была доступна мне на уровне повседневной жизни. А дальше, как

часто говорят создатели крупных теорий, – ноосфера настраивается на твою тему и подсказывает новые шаги. Мой научный руководитель предложил мне работу на лето – проанализировать практику квартирных обменов. Два месяца я сидела в обменном бюро и изучала, как происходит обмен квартир, как соотносятся их качественные характеристики, как люди выбирают эквивалентные варианты. Полученный опыт впоследствии оказался для меня чрезвычайно полезным. Я поняла, как в рамках централизованной системы происходят саморегулятивные процессы. Уже тогда я была увлечена системным подходом, который требует изучения всех параметров. Кстати, до сих пор я не люблю узкие темы – можно хорошо исследовать отдельный аспект, а он окажется несущественным, лишь одним из многих. В общем, мне важно видеть объект в целом.

В рамках кандидатской диссертации я смогла охватить советскую жилищную систему. В ней я просмотрела многое и вычленила отношения «раздачи». Заметить их было нетрудно, ведь они лежали на поверхности. Однако то, что стою на пороге открытия, я осознала, когда приехал профессор Грегори Андруш из Англии, от которого я узнала, что мои работы обсуждаются на

Западе. Ссылаясь на меня, западные исследователи писали, что «в России распределение жилья устроено как раздача». У нас этот механизм казался очевидным, распределение и раздача виделись синонимами, а на Западе их разделили и даже прописали «раздачу» латинскими буквами. И я поняла – на этот тип отношений необходимо посмотреть отдельно. Это был первый толчок, когда из конкретного объекта я вычленила тип отношений. И мне захотелось узнать, как устроена вся экономика. Я обратилась к истории и обнаружила, что в России все раздавалось: через пожалования, дарения, «дачи». Меня удивило, почему тогда раздаточные отношения остаются за кадром науки? И почему наука их не рефлексировала?

Потом я стала изучать раздаточные отношения в рамках азиатского способа производства, и обнаружила, что существует механизм обратной связи – жалобы. Через жалобы система артикулирует свои запросы и посредством их происходит управление. Данный канал нельзя недооценивать. Сегодня в науке это уже осмыслено. Тем более что и на Западе сейчас «подсели» на эту тему¹, т.е. и в рыночной экономике жалобы оказываются важным каналом обратной связи. Таким образом, я вышла на системное видение: не отраслевое и не объектное, а отношенческое. Впоследствии выяснилось, что в России отношения «раздатка» – это многовековая базовая модель.

Я специально использую русское слово для объяснения сути экономических отношений в России – «раздаток». Мой посыл состоит в том, что мы должны понимать действительность, в которой живем. Например, про Россию часто говорят как про феодальную в прошлом страну. Но ведь у нас не было феодалов, не было никаких аллодов, ленов, имунитетов... Безусловно, нужно аб-

¹ См.: Барлоу Дж., Мёллер Кл. Жалоба как подарок. Обратная связь с клиентом. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. 288 с.

страгироваться от реальности для выявления общих закономерностей. Однако в данном случае мы имеем дело не с абстрактными терминами, а с категориями чужой реальности, привязанными к конкретной исторической обстановке. И тем самым привносим иные смыслы и пытаемся искать уже не то, что есть на самом деле. В действительности так называемый российский феодализм XVI–XIX вв. – второй уровень развития «раздаточной экономики», на котором общинный «раздаток» IX–XII вв. преобразовался в помещный «раздаток». Базовые институты – сдачи-раздачи, жалобы и общественно-служебная собственность сохранились, но их формы значительно модифицировались из-за изменения характера служебного труда, введения помещного и крепостного права².

Мировая наука накопила многочисленные методы и методологические подходы, но с их помощью нужно изучать свою действительность и периодически переосмысливать ее заново. Подчеркну, нужно идти от реальности и не оценивать методологию с точки зрения абстрактных плюсов и минусов. Нужно работать со всем тем, что помогает зафиксировать и описать новые смыслы и сущности. Отсюда вытекает потребность в синтезе разных подходов.

– Как Вы думаете, повлияла ли Ваша теория на западных исследователей?

Западу интересны мои идеи³, но сказать, что он их воспринял, понял, смог благодаря им открыть глаза на что-то, я не могу. Наверное, это – дело будущего. Реальные открытия осознаются и воспринимаются не сразу.

К слову сказать, однажды мы с Татьяной Ивановной Заславской обсуж-

дали смысл понятия «открытие»... На мой взгляд, открытие не является чем-то пафосным. Открытие – это то, что лежит вне исследователя, на что он «показывает пальцем». Как только он что-то продемонстрировал, все видят: «да, правда, все так и есть на самом деле». Знание об этом аспекте действительности становится «общим местом».

Сегодня я вижу множество концепций, в которых используются сформулированные мной категории и положения. Нередко они применяются без ссылок, что, в общем, правильно, поскольку эти категории присущи самой реальности. В то же время мне не совсем нравится, как заимствуются эти термины. Они встраиваются в старую парадигму, из-за чего теряется их новизна в идейном смысле. На эту подмену смыслов В.А. Ядов обращает внимание в своем новом учебнике⁴. В результате «раздаточная экономика» просто становится «козлом отпущения», которого искали в течение всей перестройки. Вот, мол, в СССР была «раздаточная экономика», и это она во всем виновата. Понятие «раздаточной экономики» приобретает негативную коннотацию. А я хочу показать совсем другое.

Рынок и «раздаток» – две базовые модели, сосуществующие друг с другом с превалированием тех или иных отношений. Число их истори-

ческих, национальных форм и сочетаний очень велико. Важно понять, как две эти формы хозяйства соотносятся, как сосуществуют и при каких условиях их синтез становится эффективным. Возьмем текущий финансовый кризис. С 1960-х годов на Западе, строя социальные государства, стали синтезировать рынок и «раздаток». Однако при выделении государственных средств в частные руки по ипотечным схемам не были налажены механизмы контроля их расходования. И появились финансовые пузыри, которые не могли бы возникнуть на частных деньгах, только на бюджетных. Фактически получился неэффективный синтез. На Западе уже полвека встраивают «раздаток» в рынок. При этом идеологически рынок выдвигается на передний план, а «раздаток» прячется, хотя он органично встроен в государственную сферу. Половину государственных бюджетов на Западе (а у нас 90%) составляют трансферты, субсидии, субвенции и пр. Как дать, кому дать, в каких пропорциях – практики только этим и занимаются. А экономическая наука занимается в основном рыночными процессами, кривыми спроса и предложения. Пришло время помочь практике, как на Западе, так и в России. И это можно сделать только на основе новой, «рыночно-раздаточной» парадигмы.

– С чем, на Ваш взгляд, сегодня связано настороженное отношение научного сообщества к системным теориям?

– Наверное, с тем, что когда исследователь долго находится на макроуровне, он отрывается от реальной практики. Потеря реальности раздражает в больших теориях. Если ты знаешь, как устроены цивилизации, то, наверное, должен понимать, как работает ЖКХ в России. Попытки философствовать без конкретного знания вызывают отторжение. А совмещать конкретные знания с большими теориями... Я сейчас не вижу соответствующего потенциала в российской науке. Сама я шла к этому мелкими шажками. И Новосибирская школа нас этому учила, ведь Татьяна Ивановна всегда фокусировала свой интерес на макроуровне. Каждый фрагмент реально-

² Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с. // <http://razdatok.narod.ru/RER.html>

³ Zweynert J. Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition: 2003–2007. Hamburg Institute of International Economics Research Paper. 5–9. Hamburg, 2009 // http://www.hwwi.org/uploads/tx_wilpubdb/HWWI_Research_Paper_5-9.pdf.

⁴ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с. // <http://www.isras.ru/publ.html?id=1393>.

сти ее ученики изначально старались видеть как часть чего-то целого. Для меня это естественно.

Со временем возникает много конкретных вопросов, на которые слишком общая теория не может ответить. А поскольку она доминирующая, от нее хочется избавиться. И только потом к ней вернуться. Вернуться и к К. Марксу, и к Т. Парсонсу, заметив, что в чем-то они были правы...

– Складывается впечатление, что освоить Вашу теорию невозможно без глубокой исторической подготовки. А ее, как мне представляется, многие студенты-социологи сегодня лишены...

– Парадоксально, но мне кажется, что, может быть, это и хорошо – не иметь глубоких исторических знаний. Иногда дилетантизм в рамках новых построений срабатывает лучше. Ты видишь реальность непредвзято. Над тобой не довлеют схемы. Я сама столкнулась с удивлением некоторых профессионалов-социологов, которые, узнав о моей теории, говорили: «ты же не историк, как ты осмелилась...» Я же считаю, что истории как чего-то прошлого и навсегда ушедшего для социальных систем не существует. Есть жизненный цикл всей социальной системы, и если ты хочешь понять, как она устроена, ты не можешь ограничиться десятью-пятнадцатью годами. У социальной системы намного более долгий путь развития, и его важно увидеть как единый социальный процесс.

В этом главное мое отличие от историков, которые обычно изучают прошлое через роль субъектов: начинают с царей – как они воспитывались, кем и какими были... Такие историки объясняют развитие «раздаточной экономической системы» в России личностными чертами и действиями правителей, а я объясняю логику действий наших правителей через логику развития «раздаточной системы». С точностью до наоборот.

Популярна идея, будто трудности, с которыми Россия сталкивается сегодня, являются следствием того, что кто-то из правителей когда-то допустил ошибки, из-за которых Россия пошла не тем путем. Мне кажется, это абсолютно неверное представление о том, как вообще могут развиваться социальные системы. Ход истории не может так сильно зависеть от личности, от конкретных царей и т.д. Более того, важно понять, что самого правителя формирует «запрос», идущий от реальности. Например, в случае с Петром I видно, что все его свершения уже были предначертаны Алексеем Романовым. Петр был выбран на престол и долго держался на нем, потому что характер его преобразований базировался на многих идеях отца и отвечал запросам конкретного этапа.

– Вы развиваете системную теорию. А учите ли Вы своих студентов тому, как собирать системные данные об интересующем их объекте?

– В этом вопросе главное – понимать, что ты хочешь найти в данных. Когда-то я сформулировала для себя гипотезу о том, что жалобы являются механизмом обратной связи, и задумалась: «А как я найду это в истории? Как это можно доказать?» И что Вы думаете? Открываю книги историков Ключевского, Соловьева, Туган-Барановского, Милюкова и практически на каждой странице обнаруживаю материал по челобитным-жалобам. Оказалось, что они являются важным источником исторических данных. И я начала концептуализировать уже не саму жалобу как таковую, а предметы жалоб. Таким образом, важно вычленить концептуальную идею, и если эта идея верна, то данные чаще всего лежат на поверхности. Ты просто должен понять, что ищешь. А откуда это понимание берется, я, признаться, и сама затрудняюсь сказать. Возможно, оно идет от знания проблематики и вырабатывается с каждым пройденным научным этапом.

Что касается эмпирической верификации, то это другой уровень. Я работаю с конкретными институциональными формами, т.е. законодательством, нормативными актами и т.д. И здесь индикатором для меня являются изменения в системе. Когда происходит переход от одной фазы к другой, должно произойти что-то очень мощное, «знаковое», что меняет характер отношений в обществе. Я ищу свидетельства таких изменений. Например, здесь были введены новая Конституция или Соборное уложение, здесь отменена система служебного труда и т.д.

– Поделитесь с нами, пожалуйста, как у Вас выстраивается процесс научной работы – как соотносятся между собой этапы осмысления ситуации и, например, период написания текстов.

– По-разному. Например, когда я работала над большой теорией, то пять лет, после защиты докторской, ничего не публиковала. Я пыталась выйти на иной уровень осмысления. Мне казалось, что я заиклилась на одном и том же. Я оставила все свои исследования и ушла в философию, начала читать исторические книги. И это продолжалось довольно долго. На-

ука тогда не была построена, как сейчас, на проектах, отчетах. Была полная вольница. Мне, конечно, говорили, что доктору наук нельзя так долго не публиковаться, но я не могла ничего сделать – просто не знала, про что писать. Идеи шли фрагментарно. Но в какой-то момент я обдумала все, что к тому времени выстроилось, с Татьяной Ивановной Заславской. Я чувствовала, что идея все еще сырая, что нужно еще долго-долго работать, но Татьяна Ивановна посоветовала: «Включи в свою мысль других людей». У нее была установка, что идеи тоже нужно публиковать, поясняя, что пока это только идеи. И оказалось, что такая стратегия действительно имеет смысл. В ходе обсуждения идея обрастает неожиданными вопросами, замечаниями, интерпретациями, которых сам не видишь и которые сильно продвигают. И все это вдруг способствует твоему развитию. Выходит, что формулировать большую теорию, только сидя дома и обложившись фактами, нельзя. Нужно периодически вступать в диалог с научным сообществом и практикой. И еще. Когда ты имеешь дело с определенным объектом, то первоначально только ты видишь в нем те закономерности, над которыми работаешь. Но, как только они описаны, их все начинают видеть, и тут же говорят: «ну, это же очевидно». И именно такая реакция означает успешность исследования. Ведь важно расшифровать новые черты реальности, показать их в такой форме, в которой они станут очевидными. В моем случае так было и с «бесплатным» жильем, и с идеей «раздатка». Сейчас же пришла очередь «рыночно-раздаточной» парадигмы, которая поможет переосмыслить социально-экономическую эволюцию и ее современный этап как интеграцию рыночного и раздаточного путей развития. Пока еще эти пути мыслятся как диаметрально противоположные и несовместимые. «Рыночно-раздаточная» парадигма достаточно конструктивна, на ее основе могут быть созданы сильные исследовательские программы. Данная парадигма – абстрактно-теоретическая и одновременно эмпирическая. Мне хотелось очистить ее от идеоло-

гизации, увидеть глобальные закономерности и при этом не отрываться от реальности.

– Не могли бы сказать пару слов о том, что происходит сегодня с Новосибирской экономсоциологической школой? И в частности, с молодежью, которая в нее входит?

– Сегодня Новосибирская экономсоциологическая школа существует в рамках тех же реалий, что и другие научные школы. Я редактировала новую книгу по итогам наших исследований и не заметила в работах какой-то специфики. Есть много свежих мыслей, но они нас уже не отличают от других школ⁵. Я думаю, что каждая научная школа создается под определенную миссию, отличается не только методологией, но и своей задачей. У Татьяны Ивановны был мощный посыл преобразовать ту политэкономия, которая была идеологизирована и из-за этого неверно концептуализировала реальность. И в ракурсе этой миссии многое формировалось в работах ее учеников. Сегодня, как мы уже говорили, скептически относятся к большой теории. Я же свое стремление к макроуровню воспринимаю как «ген» новосибирской школы. Однако, если для кого-то макроуровень неестествен, то трудно на него выйти и

мыслить такими категориями. Поэтому я несу этот ген, а кто-то из старших коллег продолжает традиционные исследовательские направления. Молодежь же в хорошем смысле заражена современными подходами. Так что, скорее всего, границы Новосибирской экономсоциологической школы уже размыты, она не локализована, не противостоит, как раньше, «официальной» науке.

– В чем Вы видите проблемы сегодняшней экономической социологии в России?

– Должна признать, что экономическая социология не стала тем, чего я от нее ожидала. Я видела в ней науку о реальной жизни, работающую на макроуровне. Но она, наоборот, стала изучать локальные феномены, стала этакой «корзиной» сюжетов на стыке экономики и социологии. Ни макроуровня, ни междисциплинарности в ней нет. Я даже не считаю себя чистым экономсоциологом. Как сказала однажды Татьяна Ивановна Заславская: «Мне экономической социологии мало». Да и что сегодня представляет собой экономическая социология, на мой взгляд, до конца не определено. Возможно, это и хорошо – остается некая пустота, которую можно наполнять. Науке нужна свобода. Когда мы точно не знаем «как правильно», мы можем создавать оригинальные идеи. В этом смысле у экономической социологии, очевидно, есть позитивное начало.

Беседовала Елена Александрова.

⁵ Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008.

Денис Стребков

кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономической
социологии ГУ ВШЭ, старший
научный сотрудник ЛЭСИ

Реклама и жизнь. Рис. Л. Насырова

Социально-экономические проблемы капиталистических стран в зеркале «Крокодила»

Журнал «Крокодил» был призван высвечивать те проблемы, которые мешают строительству коммунизма в СССР, огнем сатиры безжалостно выжигать отдельные недостатки, клеймить позором бюрократов, взяточников, очковтирателей, жуликов, тунеядцев, алкоголиков, прогульщиков и множество других «нетрудовых элементов». На протяжении шестидесяти с лишним лет своего существования журнал успешно справлялся с этой задачей. «Мы видим человека, врубающего в дремотную от века тайгу стальную колею железнодорожной магистрали; человека, озаренно склонившегося над чертежной доской; человека, кропотливо сортирующего семена нового урожая; человека, приготовляющего к старту космическую ракету; человека, идущего как на сражение из-за кулисы на сцену... Короче, мы видим Человека, ежечасно изменяющего мир – изменяющего в лучшую сторону. Но рядом с Человеком мы усматриваем человечка: мешанина и пройдоху, стяжателя и ханжу, хама и лжеца, дебошира и взяточника... Он ловчит и злопыхательствует, лжет и лицемерит, крадет и хулиганит... И проблема не столько в самом этом человечке, сколько в заразе, распространяемой им вокруг себя и поражающей невзначай иной здоровый организм»¹ – вот квинтэссенция политики журнала в освещении внутренних проблем страны.

Но наряду с публикациями, рассматривающими эти многочисленные недостатки, читатели «Крокодила» могли также обнаружить на его страницах карикатуры, фельетоны, рассказы, посвященные другим, гораздо более серьезным социально-экономическим проблемам, таким, например, как безработица, инфляция, забастовки, нищета. Все эти явления хорошо знакомы нам сей-

час, поскольку в 1990-е и 2000-е годы население России прочувствовали их, как говорится, «на собственной шкуре», но вплоть до конца 1980-х годов в рамках официальной пропаганды считалось, что в Советском Союзе этих проблем не существует. Каким же образом они могли попасть тогда на страницы главного сатирического журнала страны?

Дело в том, что в каждом номере «Крокодила» две-три полосы из шестнадцати обычно выделялись рубрике о международной жизни. Ее название менялось год от года («Вокруг света и тьмы», «Эхо событий», «Иностранности», «Крокодильским взглядом», «ТАК – Телеграфное агентство Крокодила», и т.п.), но суть оставалась неизменной. «Крокодил» оперативно реагировал на события, происходящие в мире, показывал несчастных и угнетенных жителей капиталистических и развивающихся стран, перепечатывал и комментировал сообщения и карикатуры из западной прессы. При этом, что интересно, проблемы советского и западного обществ практически никогда не повторялись. Сюжеты, которые выбирались для освещения жизни людей в США, ФРГ, Великобритании и других странах НАТО, кардинальным образом отличались от тех недостатков, которые высвечивались в самом СССР. Предполагалось, что в странах социалистического лагеря всех этих проблем нет и быть не может. Лишь в условиях насковозь прогнившего буржуазного общества оказываются возможными подобные явления.

Таким образом, в сознании советских людей преднамеренно формировалась огромная пропасть между благополучным *социалистическим государством*, где лишь некоторые мелкие недостатки мешают построению коммунистического строя, и «загнивающим» *капиталистическим миром*, в котором общество пронизано многочисленными пороками, а «простые» граждане вынуж-

¹ Предисловие к Новому году // Крокодил. 1969. № 1.

дены влачить жалкое и бесправное существование. Если «у нас» отдельные личности приносили вред мудрому и справедливому государству, то «у них», совсем наоборот, хищническое государство в союзе с крупными монополиями, международными корпорациями и военно-промышленным комплексом создавало массу проблем своим беспомощным и беззащитным гражданам. В конце 1980-х годов благодаря перестройке, гласности, хозрасчету, многие из ранее тщательно скрываемых социально-экономических проблем советского общества вышли на поверхность и получили широкую огласку. Кроме того, появились новые, ранее и в самом деле не существовавшие проблемы, связанные с развитием и распространением в стране свободной хозяйственной деятельности. Выяснилось, что и у нас в СССР, оказывается, есть свои бедные, свои проститутки, свои наркоманы и т.п. Контраст с Западом год от года становился все менее и менее явным, а потом и вовсе сошел на нет. Рыночные реформы 1990-х годов еще больше приблизили нас к западному образу жизни. И все те проблемы, о которых большинство советских граждан знало только понаслышке и которые видело лишь в очерках о международной жизни, лавиной обрушились на их головы.

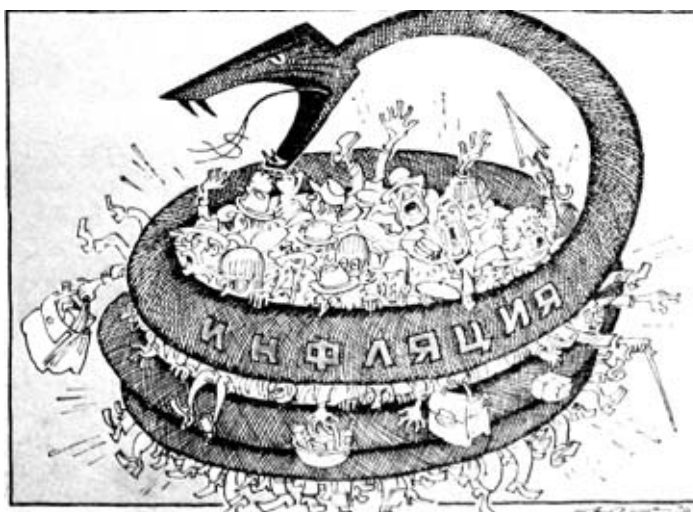
Возникает вопрос, насколько же хорошо было подготовлено советское общество к такому повороту событий, насколько отчетливо оно понимало то, что его ждет в будущем? Попробуем определить это, обратившись к анализу публикаций о международной жизни из журнала «Крокодил». Для того чтобы понять, как изменялось во второй половине XX в. представление советских граждан о жизни населения в западных странах, мы проанализировали семь полных годовых комплектов журнала, выбрав их через равные пятилетние промежутки времени, начиная с 1959 и заканчивая 1989 г.

В отличие от трех наших предыдущих статей², в данной работе мы применили формализованную методологию сбора и анализа данных. Было выделено несколько десятков ключевых категорий, характеризующих тот или иной элемент жизни западного общества, например, «монополии», «бездомные» или «расизм». Затем подсчитывалось количество смысловых упоминаний той или иной категории в публикациях журнала. При этом, если раньше мы рассматривали только карикатуры, то теперь в качестве материала для анализа использовались все имеющиеся публикации на международные темы, в том числе фельетоны, стихотворения и короткие заметки. Отдельно учитывались те случаи, когда анализируемая категория являлась главной темой фельетона или карикатуры, и те ситуации, когда она упоминалась как второстепенная деталь рассказа, наряду со многими другими «язвами» западного общества³.

² См. публикации в «ЭС Форуме» в № 5 за 2007 г., № 3 и 5 за 2008 г.

³ При подсчете упоминаний той или иной категории в публикациях журнала она получала вес, равный 3, если выступала в качестве главной темы карикатуры, фельетона или сатирического стихотворения, и вес, равный 1, если упоминалась как второстепенная деталь повествования.

При этом стоит отметить, что значительная часть «международных» карикатур и фельетонов была посвящена внешней политике западных стран. В них отражались вооруженные вторжения стран НАТО в независимые государства по всему миру, военные перевороты в латино- и южноамериканских республиках, борьба африканских колоний за независимость, и т.п.⁴ На протяжении всех этих лет в «Крокодиле» вышла масса публикаций, актуализирующих проблему гонки ядерных вооружений, посвященных обострению «холодной войны» между СССР и США, размещению крылатых ракет в Европе, строительству военных баз по всему миру. Тем не менее в рамках настоящего исследования все эти темы не будут нас интересовать, мы сконцентрируем внимание исключительно на рассмотрении внутренних проблем западных государств, затрагивающих жизнь их «мирного населения».

Замкнутый круг. Рис. М. Абрамова

С содержательной точки зрения все материалы о жизни западного общества, опубликованные в «Крокодиле», можно условно разделить на шесть основных групп:

1. социально-экономические проблемы населения;
2. жизнь социально-благополучных групп (богачей, капиталистов);
3. борьба граждан за свои права;
4. социально-экономическая политика властей;
5. падение нравов в западном обществе;
6. группы, «паразитирующие» на «простых» гражданах.

Социально-экономические проблемы населения

Первым в нашем списке стоит большой блок социально-экономических проблем, с которыми в своей по-

⁴ В числе важнейших международных событий, произошедших в рассматриваемые годы и получивших отражение на страницах журнала, стоит упомянуть: визит Н. Хрущева в США (1959); войну США во Вьетнаме (1964, 1969); «культурную революцию» в Китае (1969); военные перевороты в Чили, Греции, Португалии и на Кипре (1974); мировой энергетический кризис (1974); высылку из СССР А. Солженицына (1974); государственные перевороты в Никарагуа, Кампучии и Иране (1979); сепаратный договор между Египтом и Израилем (1979); вторжение Израиля в Ливан, а США в Гренаду (1984).

Полет английской научной мысли. Рис. А. Крылова

вседневной жизни сталкиваются многие «обычные» люди западных стран. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Периоды экономического спада, финансовые кризисы, неэффективная денежная и бюджетная политика порождают проблему *инфляции*: цены на товары и услуги стремительно растут, в то время как заработная плата рабочих снижается – люди не могут позволить себе купить самое необходимое. В результате массовыми явлениями стано-

вятся *бедность, нищета, голод*. Журнал показывает, как, отчаявшись и презрев брезгливость, обездоленные граждане, одетые в рваные лохмотья, роются в мусорных урнах, чтобы хоть чем-то подкрепить свои силы. Огромное число людей не имеет крыши над головой, улицы крупных городов заполнены *бездомными*. Они спят в подворотнях и на тротуарах в картонных коробках либо ночуют на скамейках, накрывшись рваными газетами, полностью потеряв веру и надежду на лучшую жизнь. Над теми, кому повезло чуть больше, также нависла угроза оказаться на улице, поскольку домовладельцы в любой момент могут повысить квартплату и выставить жильцов, если те окажутся не в состоянии платить за жилье:

«Есть у хозяев свой статут:
Несданную квартиру
Скорей сожгут или взорвут,
Чем вам уступят лиру!»⁵

В условиях кризиса на крупных фабриках и заводах происходят массовые увольнения рабочих. *Безработица* растет гигантскими темпами, она измеряется миллионами человек. Отчаявшиеся люди соглашаются на любую, пусть даже самую грязную и низко оплачиваемую работу, независимо от имеющегося у них уровня образования, лишь бы заработать на кусок хлеба. Так, выпускник престижного университета запросто может работать официантом в ресторане или мести улицы в качестве дворника. Сокращенные преподаватели встречаются со своими бывшими студентами в очереди на бирже труда – очереди, хвост от которой тянется на несколько кварталов, и конца-края ему не видно. Те же, кто все-таки получил рабочее место, вынуждены делать нелегкий выбор между работой и карьерой, с одной стороны, и семьей, на которую у них совершенно не остается времени, – с другой стороны.

⁵ Владимов М. Дома и люди (очерк о Сицилии) // Крокодил. 1984. № 4.

Компании пользуются возможностью привлекать дешевую рабочую силу из числа мигрантов. Кроме того, в целях экономии производственные мощности предприятий переносятся в страны третьего мира, что опять-таки сопровождается закрытием заводов и фабрик в развитых капиталистических странах и сокращением работающих там граждан.

Научно-исследовательские организации также испытывают большие трудности в связи с гегемонией США в западном мире. Наиболее перспективные и талантливые ученые переезжают на постоянное место жительства из европейских и латиноамериканских стран в Америку, где им предоставляют лучшие финансовые условия и лучшие возможности для работы. Эта тенденция получила название «*утечка умов*».

Тем не менее, как отмечается в фельетоне А. Судакова, эмигранты в США и Канаде находятся на положении людей «второго сорта», независимо от того, откуда именно они приехали – из СССР, Германии, Финляндии... Им тяжелее найти работу, при прочих равных условиях им платят меньше, чем коренным жителям, хотя формально этот факт властями отрицается. «Вот и работают гайчуки, заперев в комоды дипломы и свидетельства об образовании. Врач – полотор. Инженер – грузчик. Учитель – сторож...»⁶

Одним из самых обсуждаемых вопросов на страницах «Крокодила» является проблема *нарушения прав человека* на Западе. При этом подавляющее число публикаций, выходящих в данном контексте, посвящено в первую очередь угнетению чернокожего населения или, проще говоря, *расизму*. Расизм сопровождается проблемой работорговли. Чернокожие слуги ежедневно подвергаются насилию со стороны своих хозяев.

Намного реже встречаются примеры *дискриминации женщин* и коренного населения Америки (индейцев). Тем не менее, на страницах «Крокодила» мы находим подтверждение многих тезисов В. Зелизер, касающихся особенностей распределения финансовой власти в семье⁷. Законы многих американских штатов полны нелепых требований и установок на этот счет. Например, в восьми штатах все деньги, заработанные женой, принадлежат ее мужу, и только он имеет право ими распоряжаться: «По закону штата Аризона жена должна отдавать всю свою зарплату мужу не позже дня получения. В штате Луизиана закон разрешает мужу самому получать зарплату жены. В Бруклине (штат Нью-Йорк) муж имеет право брать деньги из сумочки жены без ее согласия»⁸. А вот закон штата Нью-Мексико, наоборот, «разрешает женам проверять содержимое карманов мужей. Это же право предусмотрено в законах штата Мериленд, но с оговоркой: только не тогда, когда муж спит»⁹.

⁶ Судаков А. Благословил ли их святой Лаврентий? // Крокодил. 1984. № 5.

⁷ См.: Зелизер В. Социальное значение денег / Пер. с англ. А.В. Смирнова, М.С. Добряковой. Под науч. ред. В.В. Радаева. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

⁸ Дьяконов Н. Шляпки и усы // Крокодил. 1964. № 18.

⁹ Там же.

Следующая серьезная проблема – массовый разгул *преступности*. Воры и убийцы терроризируют мирных граждан, а полиция ничего не может с этим поделать. Более того, порой вместо того, чтобы пресекать деятельность криминальных структур, полиция действует заодно с ними. Мафия, гангстеры, террористы являются полноправными хозяевами западного крупного города. Наемные убийцы открыто предлагают свои услуги на страницах глянцевого журнала «Солдат удачи» (трижды – в 1979, 1984 и 1989 гг. мы встречаем в «Крокодиле» обширные фельетоны, разбирающие деятельность данного печатного издания).

Платное образование в США и странах Европы существенно сокращает возможности для вертикальной мобильности населения. У детей из бедных семей шансы добиться чего-то в этой жизни практически равны нулю, соответственно из поколения в поколение происходит воспроизводство сложившейся социальной структуры. Возможности накопления человеческого капитала крайне ограничены: не только высшее, но и среднее образование оказывается недоступным для значительной части населения. В результате многие граждане так и остаются неграмотными.

Качество самого образования в западных странах также подвергается большому сомнению, поскольку в школах на уроках биологии, например, доказывается ошибочность теории Дарвина, а на уроках истории откровенно искажаются факты, в частности, события, связанные со Второй мировой войной. Дети не читают ни современной, ни классической литературы, большинство из них воспитывается на комиксах и впитывает массовую культуру из телепередач и кинофильмов. Качество образования поддерживается с помощью специальных пластинок, которые «представляют собой песенки в ритме твиста с изложением основ химии, физики или географии. Придя в класс, учитель ставит на проигрыватель нужную пластинку, а школьники, пританцовывая, подпевают»¹⁰. Разве не напоминает данная прогрессивная технология наши современные российские пособия по литературе, где классические произведения излагаются в краткой и адаптированной форме?

Журнал «Крокодил» отмечает, что среди американских детей чрезвычайно популярны такие настольные игры, как «Монополия», «Дипломатия», «Развод», «Сегрегация», «Концлагерь». Чему может научиться ребенок с их помощью? По мнению корреспондентов журнала, все эти игры развивают в нем самые низменные черты характера, прививают самые порочные культурные образцы поведения. С помощью «Монополии», например,

«дети должны научиться делать следующие вещи: обманывать товарищей по игре, скупать у них фишки по одной цене и продавать по повышенной, разорять партнеров и всячески стараться засадить их в тюрьму»¹¹. Игра «Дипломатия» воспитывает у детей такие важные для предприимчивого человека качества, как «лживость, коварство, умение шантажировать и тому подобные»¹². Игра «Развод» отвечает за морально-этическое воспитание юного американца: «Играют две фишки: жених и невеста. Цель – развод и получение алиментов. Успех дела решает бросок кубика. Стоит только добраться до клетки "первая ссора", как дело пойдет быстрее»¹³. Игра «Сегрегация» воспитывает мальчиков и девочек в духе «здорового» расизма: играющие должны

правильно распознавать нормы поведения, характерные для белых и черных людей. Чтобы лучше закрепить полученные с помощью этих игр знания и навыки, для школьников организуются экскурсии на фондовую биржу. Таким образом, они с самого раннего детства приучаются жить в мире наживы и чистогана, а мыслить в терминах прибылей и убытков. Воображение и фантазия детей развиваются с помощью специальных творческих заданий. Так, учитель одной из школ штата Кали-

– Боюсь, Чарли, нам уже делать нечего. Зачем вы раньше времени ему сказали, сколько стоит операция? Рис. В. Мочалова

форния задал ученикам на дом сочинение, в котором предложил «письменно порассуждать о возможности совершения запланированного убийства с обеспечением себе стопроцентного алиби... В качестве одного из вариантов он предложил описать способ убийства богатого дядюшки с целью получения наследства»¹⁴.

Дети рабочих рано сталкиваются с несправедливостью, у многих из них нет детства как такового, в традиционном понимании этого слова. Улицы городов заполнены *беспризорными, брошенными детьми*. Они вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб и поэтому рано начинают работать. Но, будучи малообразованными, они не в состоянии устроиться в солидную фирму, занять высокую должность, поэтому их удел – это «черная», вспомогательная и низкооплачиваемая работа: «37 процентов рабочих гонконгской игрушечной промышленности – дети. Но поскольку малолетние труженики целый день держат в руках не что-нибудь, а игрушки, хозяева фабрик со спокойной совестью выплачивают им игрушечную зарплату»¹⁵.

Воспитание детей строится на принципах подавления личности: нередко они сталкиваются с насилием в сво-

¹¹ О времена, о игры! // Крокодил. 1964. № 15.

¹² Там же.

¹³ В мире игрушек // Крокодил. 1959. № 15.

¹⁴ В ожидании индейки // Крокодил. 1984. № 36.

¹⁵ Дети детям // Крокодил. 1984. № 8.

¹⁰ Синкопированная педагогика // Крокодил. 1964. № 13.

их собственных семьях, в школах по отношению к ним применяются телесные наказания, в детских домах лютуют воспитатели. Неудивительно, что в результате на Западе процветает *детская и подростковая преступность*: «половина арестованных в США за крупные преступления – юнцы в возрасте от 11 до 17 лет»¹⁶. Дети наводят ужас на жителей городов и часто по своей жестокости не уступают взрослым.

С другой стороны, получает распространение такой вид преступлений, как *похищение детей* с целью получения за них выкупа от родителей. Последние вынуждены нанимать телохранителей, ставить в домах бронированные двери и окна, покупать защищенные автомобили.

Безысходность, отчаяние, отсутствие жизненных перспектив способствуют распространению *наркомании* и росту числа *самоубийств*, в том числе среди детей. Сфера *здравоохранения*, так же как и сфера образования, является платной, а потому недоступной для большинства граждан. Люди предпочитают как можно реже обращаться к докторам, поскольку возможное лечение может поставить их семью на грань финансового краха. Врачи на страницах «Крокодила» сравниваются с грабителями, безжалостно опустошающими кошельки своих пациентов:

«Бедняки, судьбу кляните,
Захворал – кидает в дрожь:
Кто – целитель, кто – грабитель,
Хоть умри, не разберешь!»¹⁷

Доктора часто назначают лекарства, в которых нет необходимости, запугивают своих пациентов, выявляют у них несуществующие болезни, стараются как можно дольше продержать их на больничной койке, чтобы выжать как можно больше денег, судятся с теми, кто не в состоянии оплатить проведенные операции. Врачей, которые не приемлют подобных методов, безжалостно увольняют из клиник.

Собранные данные показывают, что представление на страницах журнала «Крокодил» социально-экономических проблем западных стран имело ярковыраженную динамику (см. рис. 1). Так, в 1959 г. лишь проблеме безработицы уделялось более-менее значимое внимание, а остальные категории практически не упоминались. С 1964 по 1979 г. наибольшее освещение получила проблема расизма, но, впрочем, вопросы, связанные с инфляцией и преступностью, также в эти годы посте-

– Гони монету!

Рис. Л. Самойлова

пенно набирали вес. 1979 – вообще оказался наиболее сильно насыщен фельетонами, эпиграммами и карикатурами, посвященным самым разным социально-экономическим проблемам западного общества. В 1984 году на первые места неожиданно вышли вопросы безработицы и бедности. Особенно активно освещаются в этот период проблема бездомных граждан и платное здравоохранение в США. Конец 1980-х годов характеризуется практически полным отказом от описания на страницах журнала жизни западного общества, по крайней мере, в критическом ключе. Многие из тех проблем, над которыми так упорно злорадствовали журналисты все эти годы, обрушились на головы советских граждан и по праву заняли свое место на полосах, посвященных уже внутренней жизни страны.

В следующем номере мы рассмотрим, каким образом советские сатирики изображали повседневную жизнь финансовой и политической элиты капиталистических стран. Проанализируем, какие возможности имели «простые» граждане для отстаивания своих прав и как в столь непростых кризисных условиях осуществлялась социально-экономическая

политика властей – интересы каких именно групп она защищала и помогала ли смягчить существующие в экономике проблемы.

Продолжение следует...

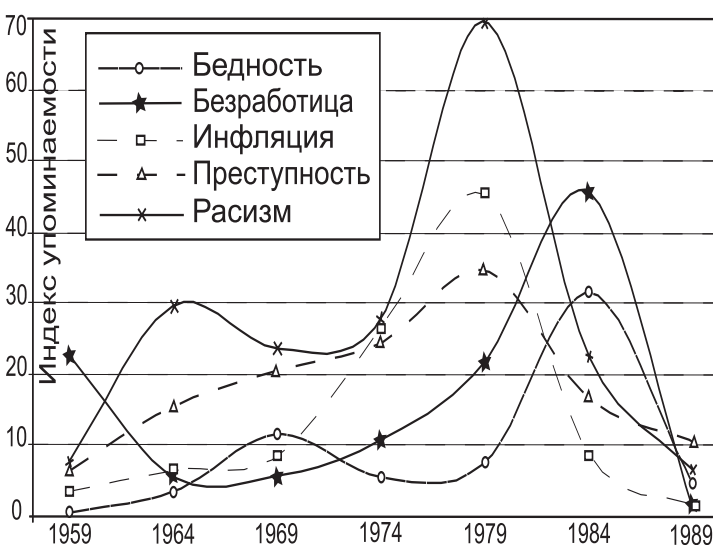

Рис. 1. Социально-экономические проблемы на страницах журнала «Крокодил» в 1959–1989 гг.

¹⁶ Дети, в банду собирайтесь... // Крокодил. 1969. № 21.

¹⁷ Юдин Б. Грабители со скальпелем // Крокодил. 1979. № 14.

Наиль Фархатдинов

аспирант факультета
социологии ГУ ВШЭ

Кажется, что уже не осталось сфер человеческой деятельности, которые бы не привлекли внимание социальных исследователей. Проявление вездесущности социального с удивительным упорством обнаруживают даже там, где, на первый взгляд, его быть не может по определению. Когда-то такой сферой было и искусство. Его недоступность социологическому анализу была подвергнута критике, и в 60-е годы XX в. социологи разработали теоретический и методологический инструментарий, который составил программу новой отраслевой дисциплины. Программа социологии искусства [«парадигма производства» (production of culture perspective)], о которой идет речь, исходит из того, что социологический анализ рассматривает искусство с точки зрения производства и потребления¹.

Социологическая рефлексия об искусстве означала не только внимание непосредственно к произведениям искусства, но и к жизни художников и социальной организации институциональной среды, в которой существует искусство. Одной из первых работ, в которой представлен эмпирический анализ институциональной среды искусства, является статья Харрисона и Синтии Уайт «Холсты и карьеры. Институциональные изменения в мире французской живописи»².

¹ Peterson R. Revitalizing the Culture Concept // Annual Review of Sociology. 1979. Vol. 5. No. 1. P. 137–166.

² White H.C., White C.A. Canvases and Careers: Institutional Change in the French Painting World. Chicago: University of Chicago Press., 1993.

Роль эмоций на рынке художественной продукции: новая исследовательская перспектива

В этой работе, изданной в 1965 г. и ставшей классической, речь идет о зарождении импрессионистского движения. Однако в отличие от искусствоведческих и эстетических объяснений, в которых основной акцент был сделан на стилистических и личностных достижениях конкретных художников, Уайты на эмпирическом материале демонстрируют закономерный процесс зарождения импрессионистского движения в результате институциональных метаморфоз: увеличение числа художников, снижение роли и влияния Салона, появление критической прессы и дилеров, и т.д. Иными словами, нам, вероятно, было представлено первое исследование не только в области эмпирической социологии искусства, но и в области соци-

ального анализа рынка художественной продукции.

Социология арт-рынка на данный момент является одним из влиятельных направлений исследований искусства, в рамках которого социологи активно обращаются как к ресурсам экономической социологии, так и социологии искусства. И в 60-е годы XX в. и сейчас арт-рынок как объект исследования вызывает особый интерес у социологов в силу своей специфики. Искусство, чаще всего ассоциирующееся с вечными ценностями, а потому относимое к явлениям бесценным, в рыночной ситуации приобретает вполне калькулируемую цену. Иначе говоря, рынок художественной продукции основан на парадоксе: искусство, вопреки романтическим

«Tiny Dancers». Karin Jurick
(<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post114871989/>)

«Barely Visible». Karin Jurick
(<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post114871989/>)

представлениям, продается и покупается. Социальное и институциональное оформление парадоксальной природы искусства и составляет предмет исследования социологии арт-рынка.

Парадоксальный характер искусства как товара – источник теоретического напряжения, которое можно зафиксировать в современной социологии арт-рынка. С одной стороны, социологи искусства должны принимать во внимание специфику

искусства и его отличие от других предметов экономического обмена. Это, в свою очередь, требует разработки специального теоретического и методологического инструментария для анализа рынка и его участников. С другой стороны, не стоит забывать, что речь идет не об искусстве вообще и (или) об его эстетических характеристиках, а о социологическом исследовании рынка. И в первую очередь важна именно экономосоциологическая составляю-

щая искусства, т.е. его существование в виде объекта производства и обмена и весь комплекс социальных и институциональных условий, составляющих мир искусства. Теоретическая интрига и проблема социологии искусства состоят в том, как с учетом специфики искусства непротиворечиво совместить оба требования.

Большинство социологических исследований арт-рынка уделяет внимание социальной среде и организации³, в которой работают художники, однако исследователи зачастую забывают о том, что искусство – особый предмет товарных отношений. Одной из последних попыток разрешить эту проблему является публикация сотрудника факультета социологии Университета Плимута (Великобритания) Марты Херреро⁴. Замысел социологии арт-рынка, представленный в ее статье «Арт-рынки, социология и эмоциональный объект искусства», интересен не только критикой современной социологии арт-рынков, но также и очертаниями будущего подхода.

Социология арт-рынков, пишет Херреро, как она изображена в работах Р. Мулена⁵, П. Бурдьё⁶ и О. Вельтуса⁷, рассматривает произведение искусства как контейнер символической ценности и экономической цены. Ценность и цена соответственно формируются в результате рыночного взаимодействия различных агентов (галеристов, коллекционеров, критиков и др.). Именно взаимодействие агентов и позволяет говорить об искусстве как о товаре. Все подходы исходят из двойственной природы объекта. С одной стороны,

³ Peterson R. A., Anand N. The Production of Culture Perspective // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 311–334.

⁴ Herrero M. Art Markets, Sociology and the Emotional Art Object. Sociology Compass. 2009. Vol. 3. No. 6. P. 911–919.

⁵ Moulin R. The French Art Market: A Sociological View. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1987.

⁶ Bourdieu P. The Field of Cultural Production. Cambridge: Polity Press, 1993.

⁷ Velthuis O. Talking Prices: Symbolic Meanings of Prices on the Market for Contemporary Art. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.

произведение искусства обладает символической ценностью (и его покупка, например, увеличивает культурный капитал покупателя), с другой же стороны, его можно оценить с экономической точки зрения. Баланс между символической и экономической ценностями предопределяется местом, которое произведение занимает в поле культурного производства.

Основной вопрос социологии арт-рынка можно сформулировать следующим образом: *как формируется цена произведения искусства?* И Бурдьё, и Мулен, и Вельгус в разной степени сходятся в том, что экономическая ценность искусства является культурной и социальной конструкцией, которую невозможно описывать и объяснять исключительно в рационалистских терминах, да и по большому счету не имеет смысла. Цена присваивается произведениям искусства участниками взаимодействия, которое также обладает двойственной природой: стремление к максимизации прибыли сочетается с эстетико-просветительскими мотивами, которыми руководствуются коллекционеры, галеристы и др.

Анализ принципиальных положений социологии арт-рынка демонстрирует центральную роль, которую играет непосредственно материальный объект искусства. Именно объекту присваивается ценность в результате социальной коммуникации между участниками взаимодействия. Однако, по мнению Марты Херреро, никто из упоминавшихся в статье социологов не ставил перед собой задачи исследовать то, как происходит взаимодействие участников арт-рынка с материальными объектами искусства и как оно сказывается на практиках и поведении участников обмена. Заполнить этот пробел, считает Марта Херреро, может социология эмоций, в которой производство искусства и его восприятие рассматриваются в эмоционально-интеракционистской перспективе. В работах П. Бурдьё⁸, в которых он, возможно, наиболее

⁸ Bourdieu P. Outline of a Sociological Theory of Art Perception. International Social Science Journal. 1968. Vol. 20. No. 4. P. 589–612.

«Innocent Bystander». Karin Jurick
(<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post114871989/>)

«A Date With Art». Karin Jurick
(<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post114871989/>)

«For the Love of Monet». Karin Jurick
(<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/post114871989/>)

близко подошел к исследованию эмоционального восприятия искусства, этот процесс анализируется в основном как «ментальная» или когнитивная возможность декодировать произведение искусства. Тем не менее, по Бурдьё, это не исключает возможности наслаждения и эмоционального восхищения искусством – способность получать удовольствие зависит от наличия культурного капитала.

Эмпирические исследования, проведенные Р. Муленом и О. Вельтусом, демонстрируют работу и воздействие «эмоционального капитала» на рыночные практики участников обмена. Дискурсы, в рамках которых происходит социальная коммуникация об искусстве, являются доказательством того, что даже там, где речь идет о сугубо экономических вопросах (например, о максимизации прибыли или установлении це-

ны), словарь, используемый агентами, насыщен метафорами и эмоциональными выражениями. Цена может быть «раздражающей» или «опасной», «скромной» или «дерзкой», «оскорбительной» или «соблазнительной». Набор метафор и эпитетов, применяемых по отношению к искусству, создает специфическую картину мира участников обмена.

В своей статье Марта Херреро не приводит результатов собственных эмпирических исследований, которые могли бы еще более убедительно показать необходимость внимания к эмоциям. Однако – и это важно вне зависимости от того, о чем идет речь, – она обнаруживает перспективное развитие «классической» социологии арт-рынка, сетуя лишь на то, что в принципиальных и методологических положениях ни Бурдьё, ни Мулен, ни Вельтус не ставили проблему эмоций. Эмоциональный капитал и его воздействие можно исследовать на эмпирическом материале работ Мулена и Вельтуса.

Исследования эмоционального изменения арт-рынков (emotional dimension of art markets) открывает перед социологами возможность использования ресурсов социологии эмоций, социологии тела и пространства. Поскольку эмоциональная составляющая рыночных отношений может быть изучена в том числе и через анализ различных контекстов восприятия тех или иных объектов искусства, предполагается внимание к пространственной организации рыночного взаимодействия (например, к местам проведения аукционов и заключения сделок, галереям и музеям) и телесной организации восприятия (например, объекты современного искусства уже предполагают иное телесное вовлечение нежели пластические искусства).

Иными словами, проблема ценообразования как одна из ключевых проблем социологии рынка художественной продукции может получить импульс к развитию вовсе не из экономических или менеджерских источников, но в первую очередь из социологических исследований тела, пространства и восприятия.

Тигровая головоломка

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии, руководитель ЛЭСИ, первый проректор ГУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Мария Правдина

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор
(дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору **Кларе Мироновне Канюк**

Корректору **Елене Евгеньевне Андреевой**

НАШИ АВТОРЫ

Ольга Бессонова

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (ИЭОПП СО РАН)

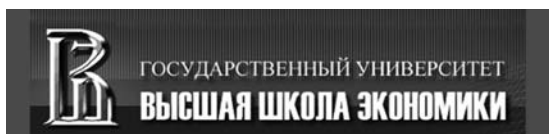
Денис Стребков

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, старший научный сотрудник ЛЭСИ

Наиль Фархатдинов

аспирант факультета социологии ГУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: ecsoclab.hse.ru

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера: ecsoclab.hse.ru